

понимали, что язык поэзии не должен слишком отрешаться от общелитературного языка, чтобы не утрачивать своей доступности, силы своего воздействия. «Сочиняя „Пармский монастырь“, — писал Стендаль, — и стараясь на надлежащий тон, я каждое утро читал две или три страницы из „Гражданского кодекса“»³¹. Так язык поэзии и взаимодействует с общелитературным языком, и отличается от него. В разных литературных направлениях, у разных писателей и в разные исторические эпохи подобное взаимодействие может быть весьма разнообразным.

Следует постоянно иметь в виду специфику языковой *точности* и языковых *оттенков* (нюансов)³². В языке могут бытовать и такие оттенки, которые в дальнейшем ходе развития литературного языка иногда оказываются ненужными. Старые индоевропейские языки, например, располагали десятками указательных местоимений, впоследствии не сохранившимися. Средневековые языки различали предметы близко находящиеся, немного более далеко расположенные, еще чуть-чуть дальше расположенные, расположенные по ту или не по эту сторону от говорящего и т. д. Градации были бесконечно дробными³³. Большинство подобных местоимений позднее в европейских языках не сохранилось.

Другой пример. В старофранцузском синтаксисе отрицание передавалось с помощью самых разнообразных слов, удерживавших дробное вещественное значение: *mie* — «крошка», *goutte* — «капля», *pas* — «шаг», *point* — «точка», *rien* — «вещица» и многих других. К началу XVII столетия произошла генерализация одного типа, опиравшегося на *pas* (*ne ... pas*). От других моделей сохранились лишь пережитки. Язык перестал ощущать необходимость располагать особыми типами отрицания с помощью таких вещественных слов, как *крошка*, *капля*, *вещица* и т. д. Это не означает, что язык утратил способность передавать эмоциональные оттенки. В этой сфере ресурсы языка неисчерпаемы. Но это означает, что по мере развития и совершенствования языка укрепляются и его абстрагирующие возможности в грамматике.

Так или иначе, конкретные материалы разнообразного характера показывают, что в процессе развития разных языков происходит дифференциация между оттенками, сохранившимися в языках, и оттенками, которые позднее становятся по той или иной причине излишними, ненужными, устаревшими. Намеченная здесь проблема, сама по себе очень важная, остается до сих пор почти совсем неизученной. Вопрос в том, какие оттенки, ранее различавшиеся в языке, затем различаться перестали, и какие оттенки, ранее не различавшиеся, затем стали строго дифференцироваться. Все это весьма существенно при историческом изучении ресурсов и возможностей различных языков.

Проблема *оттенков* осложняется еще и тем, что сами оттенки и в лексике и в грамматике обычно не поддаются, как мы уже знаем, чисто количественному взвешиванию. Сформулировать количественные расхождения между синонимами типа *смелый*, *храбрый*, *мужественный*, *отважный* невозможно, поэтому различия между ними должны описываться с учетом несходных контекстов, с учетом функционирования подобных слов в языке и в речи. Дело в том, что даже в тех случаях, когда математика оперирует, казалось бы, качественными отношениями, подобные качества вырастают из количественных пропорций. Это положение не так давно прекрасно было показано А. Ф. Лосевым в его глубоком исследовании³⁴. Между

³¹ Литературные манифесты французских реалистов, с. 44.

³² *Оттенки* и *нюансы* здесь употребляются как абсолютные синонимы.

³³ Примеры и иллюстрации см.: Lommatzsch E. Kleinere Schriften zur romanische Philologie. Berlin, 1954, S. 3—50; Dees A. Etude sur l'évolution des démonstratifs en ancien et en moyen français. Groningen, 1971, p. 150—164.

³⁴ Лосев А. Ф. О пределах применения математических методов в языкознании. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., «Наука», 1970, с. 184—194.